
СМЫСЛ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ

Сбор налогов в бюджет и последующее их распределение в целях регулирования деятельности членов сообщества, проживающих на определенной территории, является одной из основных функций любого государства. В основе современного государства лежит единая и регулярная система налогообложения, которая служит ресурсному обеспечению общественных потребностей. Вне зависимости от степени дисциплинированности налогоплательщиков, требование регулярной и всеобщей уплаты налогов является легитимной претензией современных государств, которую трудно поставить под сомнение. Но очевидность и привычность этого института делает смысл налоговых отношений более недоступным. За естественностью налогообложения может на самом деле скрываться произвольный и навязанный характер этих отношений, за их кажущимся постоянством – историческая подвижность смысла и способа налогообложения, за односторонним характером налоговых выплат – сложные и изменчивые отношения обмена. Проблематичность налоговых отношений становится очевидной либо в периоды кризиса и расстройств налоговых систем, как это происходит в современной России, либо в исторической перспективе, когда делается наглядной смена форм и смыслов налогообложения, когда история фискальных институтов предстает как история борьбы, войн и восстаний.

Становление налоговой системы тождественно формированию государства и непосредственно связано со всеми его составляющими: монополизацией права на использование силы, созданием безличного аппарата управления, отделенного от других социальных групп, становлением особого класса государственных служащих, созданием институтов гражданства и права. Налоги есть основное экономическое выражение отношений между теми, кто контролирует средства насилия и принуждения и, соответственно, создает государства, и теми, кто занимается мирной экономической деятельностью. Историческая изменчивость этих отношений и задает множество сменяющих друг друга смыслов и содержаний налоговых отношений.

Дань и охранная рента

Экономическое выражение перманентных отношений господства посредством силы заключено в понятии "дань" (*tribute*). Изначальными функциями политической власти ("политического сообщества", если воспользоваться термином Вебера) была охрана контролируемой территории и сбор средств на поддержание боеспособности войска и воспроизводство военно-политической элиты. Само по себе господство посредством силы и принуждения не гарантировало стабильности, поэтому, как показал в своем сравнительном исследовании антрополог Тимоти Ёрл, универсальной стратегией военных во все исторические времена и во всех культурах было установление контроля над локальной экономической системой¹. В чем заключается смысл этих отношений?

Использование организованного насилия не является очевидным предметом экономического анализа. Такой анализ, однако, становится возможным, если мы примем во внимание основное утверждение или претензию, характерную для носителей силы, и возникающие вследствие этого отношения обмена: утверждение себя в качестве источника охраны, а не просто прямого принуждения. В отличие от кочевников, которых интересовала военная добыча и которые осуществляли набеги, не вмешиваясь в местный уклад жизни, завоевателям, стремившимся к установлению постоянного господства, приходилось охранять завоеванные земли и налаживать систему извлечения постоянного дохода для поддержания эффективной охраны. Военная знать занималась собиранием дани, осуществляя при этом охрану ремесел и торговли на данной (точнее, "под-данной") территории. Олег, правивший в древнем Киеве, от имени Игоря, сына

¹ Earle T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy of Prehistory. Stanford: Stanford University Press, 1997.

Рюрика, осуществлял защиту киевских территорий от кочевников, зимой лично занимался сбором дани, а летом собирал и охранял купеческие караваны, которые везли собранные продукты (мед, воск, меха и т.д.) в Константинополь. В случае причинения ущерба киевским купцам или отказе в торговых отношениях киевские князья предпринимали военные походы на Константинополь, добиваясь, под угрозой применения силы, возобновления торговых отношений на выгодных условиях. Военная сила, боеспособность которой поддерживалась экономическими ресурсами под-данной территории, была, таким образом, непосредственно задействована в торгово-экономических отношениях в качестве гарантии их воспроизводства. При этом на протяжении всей истории установление господства посредством силы, предоставление охраны, налаживание сбора дани и взятие под контроль торгово-экономических отношений для создания постоянного источника дохода составляло стандартную стратегию или устойчивый образец действий тех, кто обладал силовым ресурсом. Институт господства, создаваемый завоевателями (политическим сообществом), поначалу представлял собой то, что принято называть охранным рэкетом (*protection racket*). Любое военное формирование, обладающее достаточным ресурсом для подавления сопротивления и сбора дани, могло также предоставлять эффективную охрану. И хотя у мирного населения практически нет альтернативы принятию условий охраны, легитимация элементарных фискальных отношений уплаты дани зависела от способности военных защищать от внешних врагов и обеспечивать экономические преимущества. Концепция охраны имеет двойственную природу, поскольку только та сила, которая может нанести значительный ущерб, может и защитить от него. Защита от опасности, созданной самим защитником, квалифицируется как рэкет, а защита от внешней угрозы – как реальная услуга. Поэтому сам характер отношений – будет ли это рэкет или действительная защита и охрана – зависит от конкретной стратегической ситуации, включая степень реальности внешней угрозы и размер дани. В случае легитимности претензии на охрану отношения между под-даным населением и владельцами средств принуждения приобретают характер обмена, хотя равноправие сторон в такой "сделке" отсутствует ввиду явной асимметрии силовых ресурсов. Производство и продажа охранных услуг являлись важной составляющей политической экономики раннего капитализма. Основной проблемой, которой посвящено большинство работ экономического историка Фредерика Лэйна, является связь между охраной (*protection*) и извлечением доходов. Он предложил разделить предприятия на два типа: (1) те, которые производят охрану и называются правительствами, и (2) те, которые производят материальные блага или услуги и при этом платят правительствам за охрану². Период раннего капитализма отличался отсутствием четкого институционального разделения этих двух типов деятельности: купцы во многих случаях нанимали частную охрану, а правительства торговали охранными услугами как частные лица в целях извлечения дохода. Предприятия, производившие охранные услуги – города-государства, королевства и княжества как политические организации, – занимались сбором охранный дани, составлявшей важнейший источник дохода. Чистый доход военной элиты складывался из совокупных сборов с под-данного мирного населения минус затраты на содержание войска. Однако это был не единственный доход, получаемый от торговли охранными услугами. Лэйн ввел понятие охранный ренты – специфического дохода, получаемого купцами или другими производителями каких-либо мирных услуг за счет возможности покупать охрану по более низким ценам, чем у их конкурентов, тем самым снижать издержки и реализовывать это преимущество на рынке. Охранный рента являлась, по сути, разновидностью дифференциальной ренты, получение которой зависело от эффективности, активности и ценовой политики предприятия, контролирующего организованное насилие и поставляющее охранные услуги. При этом как конкурирующие охранные предприятия, так и торговые группы были вовлечены в сложные конкурентные отношения в целях получения экономических преимуществ путем использования реального и потенциального насилия – отношения, включавшие использование пиратов, разбойников, частных и правительственных армий и иных средств для поддержания высокого уровня риска коммерческой деятельности. Наиболее ярким историческим примером устойчивого коммерчески успешного взаимодействия производителей охраны и торговых предпринимателей являла собой Венеция XVI века, военная аристократия которой активно способствовала, прежде всего, за счет умелого использования военного флота, увеличению совокупного богатства республики³. В целом морская торговля

² Lane F. Profits from Power: Readings in Protection Rent and Violence-controlling Enterprises. Albany: State University of New York Press, 1979, p. 2.

³ Lane F. Venice, A Maritime Republic. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1973.

XVI-XVII века была не столько торговой, сколько военной конкуренцией, участие в которой ради увеличения дохода принимали правительства морских колониальных держав, стремившихся увеличить охранные издержки торговым предпринимателям конкурировавшей стороны, добиться преимуществ для "своих" и контролировать тем самым торговые потоки. Таким образом, по мнению Лэйна, "на протяжении средних веков и начала Нового Времени охранные ренты были основным источником состояний, нажитых в торговле. Они были более важным источником дохода, чем превосходство в технической или промышленной организации"⁴.

Территориальные монополии силы

В эпоху феодальной раздробленности множество военных формирований, возглавляемых князьями или баронами, контролировавшими сравнительно небольшие территории, конкурировали за источники дани и находились в состоянии постоянных военных столкновений. В результате длительных войн территории переходили от одних вооруженных формирований к другим. Средневековым и раннесовременным обществам был свойственен высокий уровень физического насилия и отсутствие четких институциональных границ между военным и гражданским населением, между личным богатством правителя и государственной казной, между личной властью того, кто контролировал данную территорию, и общественными функциями, такими как охрана и отправление правосудия, на которые претендовала контролирующая инстанция.

Макс Вебер утверждал, что государство можно социологически определить исходя из специфики применяемого им средства – физического насилия. Однако о формировании государства стоит говорить только тогда, когда право на использование насилия эффективно закреплено лишь за одной организованной группой, которая способна устранить любые конкурирующие источники насилия внутри данной территории. Установление контроля над применением насилия на данной территории есть формирование политического сообщества, утверждал Вебер⁵. В этом смысле, организованная банда во главе с местным феодалом становится политическим сообществом, как только ей удается победить всех соперников и легитимировать свое вооруженное присутствие в терминах защиты населения и отправления правосудия. Веберу принадлежит классическое определение государства как монополии легитимного насилия в пределах определенной территории⁶.

Неустойчивое динамическое соотношение сил, характерное для Европы XI-XVI веков, содержало, тем не менее, объективную тенденцию к установлению стабильных территориальных монополий силы. Норберт Элиас, автор классического двухтомного труда по исторической социологии "Процесс цивилизации", считал формирование территориальных монополий силы законом истории⁷. Длительные войны, в конце концов, заканчивались победой одной из сторон и расширением территориального господства, а значит, и увеличением объема собираемых налогов и последующего усиления военной мощи. Так соперничество множества более мелких баронов или князей за источники дохода рано или поздно приводило к укрупнению соперничающих сил за счет уничтожения или подчинения более слабых и расширения источников дохода – до тех пор, пока не сформировалось небольшое число сильных образований, способных к длительному удержанию господства на более обширных территориях. Это привело к формированию централизованных государств, принявших к концу XVII века политическую форму абсолютных монархий⁸.

Монополия силы имеет две составляющие: защита территории от внешних врагов и устранение источников насилия и конфликтов внутри территории. Возможность выполнения этих функций связана с установлением фискальной монополии, то есть централизацией налогообложения и приданием ему регулярного характера. При этом чем более военная организация, в центре которой стоит король или князь, дополняется профессиональной бюрократией, обслуживающей юстицию и финансы, тем больше сам король и военная аристократия попадают в зависимость от

⁴ Lane F. Economic Consequences of Organised Violence. – The Journal of Economic History, 1958, vol. 18, No 4, p. 410.

⁵ Weber M. Economy and Society, vol. 2. Berkeley: University of California Press, 1978, p. 901-909.

⁶ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990, с. 648-650.

⁷ Elias N. The Civilizing Process. Volume one. The History of Manners. Volume two. State Formation and Civilization. Oxford: Basil Blackwell, 1993.

⁸ Оттоманская империя, однако, демонстрировала несколько иные стратегии централизации государства, в основном связанные с политическим торгом государства с крупными бандитскими армиями. См. Barkey K. Bandits and Bureaucrats: The Ottoman Route to State Centralization. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

созданных ими регулярных бюрократических структур. Так монополия, созданная под нужды одного лица, постепенно приобретает общественный или публичный характер. Установление стабильных территориальных монополий силы имело ряд долгосрочных моральных и экономических следствий. Устранение насилия и агрессии из повседневной жизни жестоко и последовательно осуществлялось набиравшими силу монархиями. Обратной стороной этого процесса было превращение средневекового агрессивного рыцаря, командовавшего своей маленькой армией, в куртуазного придворного. Культ рыцарской доблести уступал место культу хороших манер, предполагавшему, в отличие от агрессивности как более традиционной аристократической добродетели, высокую степень сдержанности ("цивилизованности"). Именно придворное общество, сформировавшееся как социокультурное выражение превосходящей силы и наложившее жесточайший запрет на несанкционированное использование насилия, дало мощный толчок развитию наук и искусств, этих исключительно мирных занятий, требовавших вкуса и самоконтроля⁹. Цивилизация, таким образом, получала свое наивысшее развитие там, где господствующая сила устанавливала жесткую дисциплину аффектов, препятствуя свободному разряжению аффектов агрессии и превращая их во множество более утонченных моральных и эстетических форм¹⁰.

Экономические следствия монополии силы

Как утверждали теоретики естественного права от Гроциуса до Пуфендорфа и Локка, группы людей могут сами на добровольной основе организовывать охрану жизни и собственности своих членов. Но более рациональной по сравнению с естественным состоянием формой общественного устройства они считали гражданское состояние или государство, где ряд функций, прежде всего охрана и обеспечение законности, делегируются инстанции, воплощающей и защищающей интересы сообщества в целом, то есть публичный, а не приватный интерес. Такая идеология государства является, конечно, не его источником, а следствием определенного соотношения сил, при котором предоставление и покупка охранных услуг уже может представляться не как необходимость, следующая из отношений господства, а как контрактное отношение. Но эта ситуация в свою очередь возможна лишь при фактически установленной монополии насилия и развитом экономическом обществе. Экономический рост является следствием монополии силы, хотя на определенном этапе возрастающая власть экономического (гражданского) общества реализовалась в установлении политического контроля над аппаратом организованного насилия и группами, которые им распоряжались¹¹. Экономически формирование государства означало то, что предоставление охраны было монополизировано одним предприятием, производящим соответствующие услуги, то есть правительством. Централизованная охрана была намного дешевле, чем сосуществование, к тому же не всегда мирное, нескольких производителей охранных услуг. Соответственно, глава государства и военная элита обретали возможность получать монопольный доход за счет обязательного предоставления охранных услуг всем субъектам, находящимся под юрисдикцией данного государства. Определение цены таких услуг, то есть размера дани или налога, его дифференциация и его последующее распределение составляли основные параметры экономики организованного насилия, ныне известной как экономическая политика государства. Абсолютные монархии XVII века, такие как Франция, Испания или Швеция, представляли собой прежде всего мощные военные машины с регулярной армией. Война все еще являлась главным источником быстрого обогащения, она казалась более привлекательной с точки зрения дохода, чем развитие хозяйства. Именно насилие, принявшее после установления четких территориальных границ форму межгосударственных войн, все еще являлось основным занятием и источником дохода знати. Войны оказали решающее воздействие на процесс формирования современных государств. Это относится и к становлению регулярной налоговой системы, которая вводилась для финансирования военных действий или содержания наемной регулярной армии¹². Регулярная налоговая система – социальная инновация Нового Времени. Долгое время налог или

⁹ См. также Elias N. *The Court Society*. Oxford: Basil Blackwell, 1983.

¹⁰ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. В кн. Фрейд З. *Избранное*. Книга 2. М.: Московский рабочий, 1990, с. 3-79.

¹¹ Шотландский философ Адам Фергюсон одним из первых поставил эту проблему в терминах гражданского общества в своей книге, вышедшей в 1774 году. Фергюсон А. *Опыт истории гражданского общества*. СПб, 1817.

¹² См. Braun R. *Taxation, Sociopolitical Structure, and State-Building*. In Tilly C. (ed.) *The Formation of National States in Western Europe*.

специальные подати собирались лишь на конкретные цели или в случае подготовки и ведения войны. В XIV веке Филипп ле Фэр еще вынужден был торговаться с различными сословиями по поводу размера и частоты уплаты податей. Но уже в XV веке во Франции была введена первая в Европе регулярная общегосударственная налоговая система, *taille royale*, для финансирования первой в Европе регулярной армии, ядро которой составляли шотландские наемники¹³. Вот как обобщил эту динамику Ч. Тилли:

«Налогообложение было основным средством, с помощью которого строители государств в шестнадцатом веке и далее финансировали свои армии, которые, в свою очередь, были главными инструментами поддержания или расширения территориальных границ и утверждения своего приоритета на применение силы внутри этих границ. И наоборот, военные нужды были в эти столетия основным стимулом для введения новых налогов или упорядочения старых. Эта нужда и дальше воспроизводила себя: преодоление сопротивления налогообложению требовало содержания боеспособного войска»¹⁴.

В том случае, когда правящая военная элита рассматривала налог исключительно как источник личного обогащения и стремилась к максимизации дани и максимальному превышению объема собранной дани над издержками по содержанию войска, имеет смысл говорить о силовом предпринимательстве в государственном масштабе. Монопольный доход в этом случае уходил на предметы роскоши, большие непроизводительные проекты и передавался монархом в виде даров или в других формах людям, распоряжающимся от его имени силовыми и административными ресурсами государства, а в случае слабости королевской власти, просто присваивался ими по своему усмотрению. Понятно, что такая ситуация могла сложиться только при слабости институциональных форм гражданского контроля, то есть возможностей влиять на цену со стороны тех, кто вынужден покупать охранные услуги. Реакцией на высокую монопольную цену охраны и отсутствие эффективных механизмов контроля были либо бунты, либо пассивное сопротивление населения в виде миграций в сторону от административных центров или за пределы государства, то есть под юрисдикцию другого охранного предприятия (правительства).

От дани к налогу и от поданных к гражданам

Но в целом консолидация государства и проводимая им политика способствовала хозяйственному развитию территорий и формированию соответствующих социальных классов. Это происходило в той степени, в какой организованное насилие переставало быть ресурсом частного предпринимательства, переходило под монопольный контроль государства и становилось источником общественного блага, называемого охраной (или безопасностью) и обеспечивало соблюдение имперсональных правил мирной конкуренции. Иными словами, исключение силового предпринимательства являлось необходимым условием развития других видов предпринимательства, мирный и правилосообразный характер которого и обеспечивало государство.

По мере того как аппарат насилия организационно разделялся на армию и гражданскую полицию, а охрана как специфическая услуга, производимая правительством, разделялась на охрану от внешних врагов и охрану порядка внутри государства, то есть юстицию, изменялась и общественная форма отношений по поводу сбора и присвоения дани¹⁵. С развитием регулярного государства получение дохода посредством угрозы силы группой, контролировавшей средства организованного насилия, превратилось в предоставление охраны (или безопасности и порядка) как общественного блага, на получение которого имели право все граждане, которые в обмен на эффективную реализацию этого права обязаны были платить налог. Изменение общественной формы отношений силы соответствовало рационализации способа легитимации отношений господства. Поддержание легитимного порядка, оформленного к тому же юридически как взаимные обязательства общества и государства, требовало меньшего реального насилия и принуждения для его поддержания. Таким образом, монополизация насилия в сочетании с легитимацией господства (то, что Вебер выразил в одной концепции "монополии легитимного насилия") способствовала значительному увеличению эффективности охраны и уменьшению ее стоимости, то есть охранных издержек.

¹³ Anderson P. The Absolutist States in Western Europe. In Held D. (ed.) States and Societies. Oxford: Basil Blackwell, 1983, p. 143.

¹⁴ Tilly, C. Reflections on the History of European State-Making. In C. Tilly (ed.) The Formation of National States in Western Europe. Princeton. Princeton University Press, 1975, p. 23.

¹⁵ Ames E., Rapp R. The Birth and Death of Taxes: A Hypothesis. – The Journal of Economic History, 1977, vol. XXXVII, March, p. 166-167.

Экономическое поведение группы, контролировавшей средства организованного насилия, могло быть различным и во многом определяло различия в типах развития. Повышение эффективности охраны и обеспечения порядка могло выражаться в том, что государство получало дополнительный доход, который мог быть использован для создания государственных мануфактур, расширенного воспроизводства и стимулирования технологических инноваций. Тем самым государство становилось основным двигателем промышленного развития. В большинстве стран Европы политика владельцев средств насилия и, соответственно, носителей политической власти была достаточно гибкой, направленной на партнерство с владельцами капитала. Альтернативная модель состояла в минимизации роли государства и его зависимости не столько от дани, сколько от налога на прибыль торгового и промышленного капитала. Такая форма была свойственна Голландии, где доминировали владельцы капитала, что воплотилось в политически сильную конфигурацию богатых самостоятельных городов. В Польше и России военная знать, а потом и регулярное государство достаточно длительное время существовали за счет принуждения и подушного налога: экономическое развитие было тождественно росту государства¹⁶.

Возникновение эффективного и регулярного государства, обладающего достаточно сильным полицейским, судебным и налоговым аппаратом меняет общественную форму охранных услуг, превращая их в общественное благо, доступ к которому регулируется гражданством и которое предоставляется равно всем гражданам, которые обязаны платить налог, а не отдельным группам, способным самостоятельно обеспечивать охрану или покупать ее. По мере формирования государства и будучи само важнейшим инструментом в этом процессе, налогообложение прошло ряд стадий, на которых менялась и форма и смысл этой практики:

- от чрезвычайного и эпизодического к регулярному налогу;
- от натуральной его формы к денежной;
- от дани как частного дохода правителя к налогу как источнику пополнения государственной казны;
- от произвольного метода установления уровня сборов и вооруженной борьбы по этому поводу к созданию институциональных механизмов определения цены охранных услуг (демократической политической системы);
- от концепции подданства к концепции гражданства, при котором государство априорно гарантирует определенные права граждан, но при этом следит за уплатой всеобщего регулярного налога.

Но что именно охраняет современное государство? Как было уже указано, оно охраняет жизнь подданных (на более поздней ступени – граждан) и их собственность. Создание пространств, свободных от угрозы насилия над жизнью и собственностью, безусловно создает благоприятные условия для экономической деятельности. Однако само по себе это еще не гарантирует экономический рост, подобный тому, какой начали демонстрировать некоторые страны Европы в XVIII-XIX веке. Согласно основному тезису Норта и Томаса экономически продуктивное государство охраняет прежде всего права собственности, причем определенные так, что степень частной выгоды максимально приближена к степени общественной выгоды от деятельности по использованию данной собственности¹⁷. Если же это условие не выполняется, то есть личная выгода значительно ниже общественной или права собственности определены недостаточно четко или на деле охраняются неэффективно, то вероятно появление третьей стороны, которая будет получать выгоды от подобной ситуации. Вероятность этого высока, если государство не может эффективно собирать налог, то есть появляется большое число субъектов, пользующихся общественным благом бесплатно, либо если затраты на институциональную структуру, обеспечивающую охрану жизни и собственности, слишком велики и превосходят частную выгоду. Но экономически продуктивное определение и охрана прав собственности была возможна в ситуации, когда само государство было достаточно стабильным, чтобы не думать о выживании и краткосрочных выгодах, и достаточно обобществленным, то есть независимым от интересов частных лиц и групп и способным обеспечить имперсональность действия законодательных норм. В период между 1500 и 1700 большинство европейских государств переживали глубокие фискальные кризисы, но некоторые выходили из них путем ужесточения принуждения и налоговой политики как в случае Испании и Франции, а некоторые, в частности Англия и Голландия, – путем переопределения прав собственности и предоставления, за определенную плату, более широких свобод и надежных гарантий. Тогда быстрый

¹⁶ Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990*. Oxford: Basil Blackwell, 1990.

¹⁷ North D., Thomas P. *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

экономический рост, начавшийся в некоторых европейских государствах в XVIII веке, объясняется не столько техническими и организационными инновациями, – они есть, скорее, сам рост, его форма, а не его причина, – сколько институциональными условиями, связанными с определением и охраной прав собственности, которые (условия) были созданы этими государствами и которые стимулировали производительное накопление и инновации. Здесь, конечно, уместно вспомнить тезис Маркса о том, что государство выражает интересы господствующего класса собственников. Тогда идея Норта и Томаса не противоречит этому тезису, а лишь показывает, что экономически более продуктивно такое государство, которое реализует интересы собственников, а не собственный интерес.

Государство и мафия

Сильное государство может быть сильным в двух различных смыслах. Его сила может пониматься в абсолютном смысле, то есть как сила аппарата принуждения и администрирования, и в относительном или процедурном смысле. Этот второй смысл можно свести к набору параметров, характеризующих четкость институциональных границ государства и, соответственно, четкость разграничения между тем, что характеризует государство как специфический институт, и тем, что находится вне его. Это прежде всего границы между общественным (публичным) и личным (приватным), легальным и нелегальным, формальным и неформальным, как в смысле процедур, так и в смысле ценностей.

Нововременным идеалом сильного государства было сочетание обоих качеств – абсолютной силы и регулярности (Франция Людовика XIV и Швеция Карла XI). Соответственно, слабость государства может быть понята двояко, то есть как недостаток полицейско-административной мощи и как нарушение институциональных границ и процедур. Первое выражается в разгуле преступности и бандитизма, а второе – в разрастании коррупции.

Как свидетельствует история, многие государства, переживавшие периоды слабости, порождали рост незаконного насилия и коррупции. Однако историческое сочетание слабости государства и перехода к частной собственности и свободному экономическому рынку повышало вероятность развития явления, качественно отличного как от бандитизма, так и от коррупции, хотя и в определенной мере связанного с ними: мафии. Сицилийская мафия выросла из частных охранных армий, находившихся на службе крупных землевладельцев и помогавших держать в повиновении крестьян. С упадком феодализма и переходом к свободной торговле землей управляющие имений превратились в наиболее влиятельную группу, взяв на себя регулирование земельной торговли и защиту прав собственников, используя при этом собственные вооруженные отряды¹⁸. Мафия сформировалась к середине XIX века, когда бывшие охранные отряды стали автономными как от латифундистов, так и от государства и занялись силовым предпринимательством на формирующихся сельскохозяйственных, а потом и городских рынках.

Возникновение мафии и ее роль обычно связывают с определенной функциональной необходимостью, которая трактуется двумя основными способами. Первый связывает возникновение и деятельность мафии с динамикой формирования единого итальянского государства и его неравномерной централизацией. Основным фактором, способствовавшим росту мафии, была слабость государственной власти в западной части Сицилии и, следовательно, отсутствие эффективного контроля за соблюдением единого для страны законов. Этот вакуум власти был заполнен новой группой людей, опосредовавшей с помощью нелегального применения силы отношения между другими основными социальными группами. "Мафия родилась из трений (tensions) между центральным правительством и местными землевладельцами, с одной стороны, и между землевладельцами и крестьянами, с другой. В то же время, однако, мафия помогала урегулировать эти взаимосвязанные трения, поскольку она предоставляла определенный кодекс, посредством которого члены различных классов и групп организовывали свою жизнь"¹⁹. Мафиозные кланы, таким образом, являлись своего рода нелегальными политическими посредниками, третьей стороной, которая извлекала доход посредством неформального регулирования отношений и разрешения конфликтов между социальными группами или индивидуальными собственниками. Как и группы разбойников или бандитов, мафиози также пользовались нелегальным насилием как главным средством, но их отличие состояло, во-первых, в том, что они претендовали на установление и охрану порядка, то

¹⁸ Панталионе М. Мафия вчера и сегодня. М.: Прогресс, 1969. С. 23-36.

¹⁹ Blok A. The Mafia of A Sicilian Village, 1860-1960: A Study of Violent Peasant Entrepreneurs. Prospect Heights: Illinois, 1974, p. 92.

есть на длительное господство, а не одновременный грабеж, и, во-вторых, в том, что они пользовались патронажем представителей официальной власти за счет подкупа последних или других неформальных отношений²⁰.

Экономическая модель формирования и деятельности мафии, предложенная социологом Диего Гамбетта, трактует ее как поставщика определенных институциональных услуг на рынке²¹. Он обнаружил устойчивые рациональные принципы деятельности мафии, отождествив ее со специфическим бизнесом по продаже особого рода услуг – так называемый "частный охранный бизнес" (the business of private protection). Это и отличает собственно мафию от других видов незаконной деятельности. Основной предпосылкой развития частного охранного бизнеса было отсутствие доверия между людьми, особенно в среде вновь появившихся частных собственников. Отсутствие доверия требовало посредников, которые бы способствовали минимизации рисков, гарантируя безопасность, а также то, что стороны будут придерживаться своих обязательств. Но кроме спроса на посредников, было важно и наличие предложения соответствующих услуг. Его создал приток людей, специализировавшихся в применении насилия – бывших солдат, вернувшихся с войны, и бывших охранников феодальных владений, оставшихся без работы. Историческое сочетание этих двух факторов привело к возникновению новой формы бизнеса.

Нетрудно заметить, что обе модели указывают на наличие определенного дефицита, на котором и вырастает мафия: это либо дефицит власти, возникший в процессе формирования национального государства, либо дефицит доверия, возникший в процессе становления экономического рынка. Понятно, что обе модели друг друга хорошо дополняют. Взятые вместе они указывают на то, что историческая специфика отношений между государством и рынком, а не каждый из них отдельно является ключевым элементом, определяющим вероятность становления структур мафиозного типа. Мафия в этом случае становится альтернативной формой налогообложения и предоставления охранных и арбитражных услуг, увеличивая совокупные транзакционные издержки и снижая возможности экономического роста.

Фрагментация российского государства

Ученые, изучавшие формирование европейских государств, едва ли предполагали возможность обратного процесса – настолько устойчивыми казались эти государства, в том числе СССР. В 1990-92 годах произошли события, одновременность которых предопределила последующую политико-экономическую траекторию России: политические реформы, распад СССР и появление нового российского государства, устранение государства как посредника экономических связей и приватизация собственности. Последствия ослабления государства при одновременном переходе к частной форме собственности и рыночному типу экономических отношений были, конечно, многообразны. Нас будут интересовать прежде всего те следствия, которые связаны с основным ресурсом политической власти – организованным насилием и его ролью в экономике переходного периода.

К середине 1990-х годов российское государство утратило монополию насилия, налогообложения и охраны правопорядка. Бюджетный кризис и потеря легитимности власти – прямое следствие этого. Один из главных процессов последнего десятилетия можно определить как скрытую фрагментацию государства, то есть появление конкурирующих и неподконтрольных государству источников насилия и инстанций налогообложения на территории, находящейся под формальной юрисдикцией государства. И речь идет не только о многочисленных преступных группировках, но и о различных полуавтономных вооруженных формированиях, начиная от службы президентской охраны, ведомственных и региональных спецподразделений и кончая многочисленными, связанными с ними охранными предприятиями. Чем занимаются вышеперечисленные "структуры"? Каковы условия, образующие спрос на их услуги? Если отвлечься от их легального статуса и "униформы", то можно утверждать, что они сходны по своему характеру и методам деятельности, функциям, которые они выполняют на рынке, и политико-экономическим аспектам этой деятельности.

То, чем занимаются группы, контролирующие организованное насилие, мы называем силовым предпринимательством. Силовое предпринимательство можно определить как набор организационных решений и стратегий, позволяющих на постоянной основе конвертировать

²⁰ Hess H. Mafia and Mafiosi: The Structure of Power. London: Lexington Books, 1973, p. 127-177.

²¹ Gambetta D. The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

организованную силу в денежный доход или иные блага, имеющие рыночную ценность²². Ранее мы установили, что процесс формирования государства – это, по сути, выведение организованного насилия за пределы сферы частного предпринимательства, подчинение распоряжения им четко определенным процедурам и общественному контролю. Поэтому возврат к использованию организованного насилия частными группами в целях извлечения дохода тождественен "диффузии" государства.

Основную функцию преступных группировок, групп работников силовых ведомств, действующих как частные лица, и частных охранных предприятий можно определить как силовое партнерство. Это специфическая функция, основанная на умелом использовании потенциального насилия на коммерческой основе и заключающаяся в обеспечении определенной институциональной структуры рыночной экономики путем предоставления таких услуг, как безопасность, гарантирование выполнения контрактных обязательств, решение споров и добывание специальной информации.

Одним из основных факторов, родивших спрос на силовых партнеров, явился высокий риск предпринимательства, как физический, так и экономический, вызванный невозвратом долгов, несоблюдением контрактов и многочисленными формами мошенничества. Следствием высокого риска стал низкий уровень доверия²³. Такие условия диктовали необходимость дополнительных издержек на охрану, сбор информации о деловых партнерах и прежде всего на посредников, которые являлись бы гарантами сделок. Это способствовало формированию специфического рынка охранно-силовых услуг, который до начала 1990-х годов был практически монополизирован так называемыми "организованными преступными (или бандитскими) группировками". На начальном этапе функциями силовых партнеров являлись охрана от других силовых партнеров, контроль контрактных обязательств и возврат долгов. По мере развития предпринимательства, усложнялись и функции силового партнерства. Помимо обеспечения безопасности, снижения рисков и решения споров силовые партнеры активно брали на себя функции "решения вопросов" с властями, то есть пробивание различных лицензий, льгот, а также использование властей (пожарной охраны, милиции, санэпидстанций и т.д.) в конкурентной борьбе для нанесения ущерба другим коммерческим фирмам.

С принятием 11 марта Федерального закона "О частной детективной и охранной деятельности", а 14 августа 1992 года Постановления правительства РФ о принятии "Положения о вневедомственной охране при органах внутренних дел" в конкуренцию на рынке охранно-силовых услуг легально вступили бывшие сотрудники государственных организаций – МВД и ФСБ. Одновременно начали быстро расти службы безопасности крупных банков и компаний, также укомплектованные бывшими руководящими и оперативными работниками МВД и КГБ-ФСБ.

На конец 1997 года в России существовало 10,2 тыс. частных охранных и детективных структур, в которых работало 140,6 тыс. человек. В Москве и области в более чем полутора тысячах частных легальных силовых структурах занято около 30 тыс. человек²⁴. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области таких структур 765; в них занято около 15 тыс. человек²⁵. Однако в обоих городах крупными и влиятельными являются лишь несколько десятков охранных предприятий и концернов, объединенных в различные союзы и ассоциации²⁶. Число охранных структур по-видимому пропорционально масштабам хозяйственной и финансовой деятельности данного города или региона.

Появление множественных инстанций организованного насилия, обеспечивающих рыночные транзакции и регулирующих экономическую деятельность в целях извлечения дохода, было вполне закономерно. Оно явилось следствием ослабления государства или незаконченного его формирования и само способствовало его дальнейшему ослаблению – за счет захвата государственной налоговой базы. Но влияние ситуации множественности инстанций, предоставляющих охранные, арбитражные и иные услуги, на формирование рынка и

²² Более подробно о силовом предпринимательстве см. Волков В. Силовое предпринимательство в современной России. – Социологические исследования, 1999, № 1.

²³ Эмпирическое подтверждение этого тезиса см. Радаев В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998. С. 116-127. О связи дефицита доверия и становления мафии в российских условиях см. Varese F. Is Sicily the Future of Russia? Private Protection and the Rise of the Russian Mafia. – *Archives Europeennes de Sociologie*, 1994, vol 35, № 1, p. 224-258.

²⁴ Оперативное прикрытие. 1997. № 3(9). С. 36.

²⁵ Безопасность личности и бизнеса. Справочник' 98. СПб.: Агентство АТ, 1998. С. 4.

²⁶ См. Крыштановская О. Нелегальные структуры в России. – Социологические исследования, 1995, № 8, с. 96-97.

экономическое развитие сложно и неоднозначно. Пока эта проблема практически не исследовалась. Можно сделать лишь ряд предположений. Без этой институциональной структуры и при отсутствии альтернативы функционирование рынка было бы невозможно. Можно предположить существование определенной зависимости между функционированием определенного типа силовых предпринимателей и экономическим развитием тех хозяйственных субъектов, с которыми они взаимодействуют. Иными словами, силовые партнеры могут предоставлять конкретным хозяйственным субъектам определенные конкурентные преимущества и тем самым способствовать их развитию. Но с другой стороны, такая структура едва ли является наиболее эффективной для экономики в целом, поскольку преимущества, как правило, предоставляются за счет чьих-либо убытков, часто убытков государству. К тому же понятно, что диффузия охраны ведет к ее совокупному удорожанию и больше способствует перераспределению средств, чем их расширенному воспроизводству.

